

НОВЫЕ КНИГИ ПО АССИРИОЛОГИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА БРИЛЛЬ
(ЛЕЙДЕН)

© 2009 г.

JOOST KIST. Ancient Near Eastern Seals from the Kist Collection. Brill: Leiden–Boston, 2003 (With Contribution by Dominique Collon, Frans Wiggermann and Geoffrey Turner)

Коллекционер Дж. Кист начал собирать памятники древневосточной глиптики еще в 1950-х годах. Приняв решение опубликовать свою коллекцию, он обратился за консультацией к известным специалистам в области изобразительного искусства древнего Востока: доктору Доминик Колон (цилиндрические печати), проф. Франсу Виггерману (надписи) и Джеффри Тернеру (печати, штампы). В настоящем издании представлена только часть его обширного собрания коллекции древностей.

Собрание Киста обладает редким качеством цельности; в нем представлены печати буквально всех периодов древнего Востока начиная с IV тыс. до н.э. (периоды поздней Убайд – Урук IV – Джемдет-Наср) и кончая временем правления Ахеменидов, т.е. I тыс. до н.э. Публикация, таким образом, дает возможность полностью проследить историю развития искусства древневосточной глиптики, игравшего ведущую роль в культуре древнего Востока. Отмечая это ценное качество коллекции, Доминик Колон в своей вводной статье «The Kist Collection of Seals» (с. 3–14), обращает внимание читателей на важное обстоятельство: «Все печати собрания Киста за исключением одного номера (№ 241 из раскопок в Угарите) неизвестного происхождения, что заставляет исследователя прибегать к поискам аналогий и создает определенные проблемы в точной атрибуции памятников».

Следуя так называемой «средней хронологии», наиболее распространенной среди специалистов, исследовательница распределяет памятники по следующим периодам:

- ранние печати и штампы (№ 1–12);
- период I: Урук IV – Джемдет-Наср (3500–3000 гг. до н.э., № 13–56);
- период II: раннединастические печати (3000–2300 гг. до н.э., № 57–114);
- период III: аккадские печати (2334–2200 гг. до н.э., № 115–166);
- период IVa: старовавилонские печати (2000–1600 гг. до н.э., № 167–228);
- период IV – b, c, d: староассирийские и староассирийские печати (№ 229–257);
- период V – a, b, c: касситские, посткасситские, митаннийские, среднеассирийские печати (№ 258–285);
- период V – d, e: среднеэламские, кипрские, левантинские печати (№ 286–308);
- период VI – a, b, c, d: новоассирийские печати (900–612 гг. до н.э.), нововавилонские печати (ок. 1000–500 гг. до н.э.), урартская печать (№ 372), новоэламские печати (№ 309–380);
- период VII: ахеменидские печати (№ 381–389);
- неклассифицированные, возможно, местные сирийские печати, а также других стилей (№ 390–412);
- поздние печати, воспроизводящие более раннюю иконографию (№ 413–444);
- оттиски печатей (№ 443–464).

Основой статьи, таким образом, явился научный каталог с описанием печатей в хронологическом порядке (с. 23–226). Особый интерес (с. 227–234, № 443–464) представляет публикация фрагментов отпечатков на мешках и глиняных сосудах.

Отдельную группу составили новоделы и поддельные печати. Печати подделывались со времен первых раскопок середины XIX в. и подделываются по сей день, однако в основе подделок нередко, хотя и не всегда, лежат сюжеты оригинальных памятников, что представляет определенный интерес.

Статья Виггермана (*F.A.M. Wiggerman. Иконография и религия. С. 15–18*) дополняет и расширяет историко-археологическое введение Доминик Колон. Понимая сложность и неохватность проблемы отражения в иконографии древних верований жителей Двуречья, исследователь ограничивает свою работу тремя доминирующими, по его мнению, темами: «Добрые отношения с богами», «Защита от зла (злых сил)», «Поддержка (помощь) магическими средствами и способами». Это положение исследователь рассматривает в первую очередь на примерах сцен

праздеств и пиров – темы, распространенные с Раннединастического периода II (первая половина III тыс. до н.э.). В основе культа, подчеркивает Виггерман, лежала забота о постройке храма для богов, а также забота о пропитании божества, проживающего в своем храме на своей земле. Осуществлял этот труд правитель страны, строя храм. Культовые действия, процессы одевания статуй богов, омовения и вкушения пищи богом хорошо известны из клинописных текстов.

На более поздних печатях, начиная с периода RD III, сцены пира заменяются сценами представления божеству, что, без сомнения, как считает автор, должно означать определенные изменения в культе. Так, мы видим на печатях изображения стоящего или сидящего божества, к которому приближается поклоняющийся (адорант) с воздетыми вверх руками, нередко ведомый богом или богиней – хранителями. Этот ведомый – или собственник печати, как показывает надпись, или же правитель, царь, чьи более близкие отношения с божеством должны были оказывать влияние и на жизнь простого смертного.

К сценам защиты от злых сил автор относит печати раннединастического, аккадского, а также более позднего времени с изображением темы «Фриз сражающихся» в его самых разнообразных вариантах, подчеркивая важность образа «кудрявого нагого героя» (тип Гильгамеша) и человека-быка.

В поддержке магическими средствами важную роль играл выбор камня, из которого резались печати, ибо каждому камню приписывалась особая магическая функция. Также было очень существенным изображение персонажей, не имеющих отношения к основному сюжету: животных (лягушка, еж, змея, скорпион, обезьяна), кривоногого карлика (лахму, хувава, пазузу), руки, розетки и т.д. В отдельных случаях выбор элемента можно определить: так, голова имела апотропеистический смысл, руки были связаны с амулетом в форме руки, чье ношение предписывалось в ритуале «вхождение во дворец», где эти апотропеи должны были служить поддержкой и защитой от возможных причуд со стороны авторитетных лиц.

На с. 19–22 Виггерман приводит и анализирует тексты надписей на печатях.

В списке библиографии (с. 235–237) учтены все основные работы по глиптике, в том числе издания последних лет. Таким образом, в науку о древневосточной глиптике введено более 400 экземпляров памятников переднеазиатского искусства.

К сожалению фотографии не всегда ясны и четки, что, скорее всего, относится к неважному качеству некоторых оттисков, а не только к плохой сохранности печатей.

В.К. Афанасьева

© 2009 г.

If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Brill: Leiden–Boston, 2006

В 2006 г. хорошо известное востоковедам издательство Брилля в Лейдене выпустило 31-й том серии Cuneiform Monographs: If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Книга представляет собой сборник статей в честь юбилея Эрла Лихти, известного шумеролога и ассириолога, автора многих монографий и статей, которые получили широкое признание в научном мире (список работ Э. Лихти на с. xxiii–xxvii). Во введении к сборнику дано краткое описание многообразной научной и педагогической деятельности этого замечательно-исследователя, отмечается его масштабный вклад в развитие ассириологии, в том числе в издание аккадского и шумерского словаря. Огромное значение для древневосточных исследований имеют осуществленные им многочисленные публикации клинописных текстов, среди которых 8 монографий, посвященных изданию клинописных коллекций и каталогов.

37 статей, входящих в данный сборник, написаны коллегами, учениками и друзьями Э. Лихти и посвящены самым различным аспектам шумерологии и ассириологии. Среди авторов такие патриархи ассириологии, как В.В. Халло, на работах которого выросло не одно поколение ассириологов, и совсем молодые исследователи, делающие первые шаги в науке, имена которых известны пока только их учителям.

Тематическое разнообразие сборника отражает не только широту научных интересов юбиляра и разнообразие направлений его собственных научных исследований, но и позволяет чита-

тельно составить определенное представление о том, в каком направлении развивается современная ассириология, какая именно тематика пользуется сейчас предпочтительным вниманием исследователей. Однако такое тематическое разнообразие создает определенные сложности для рецензентов. Рамки публикации не позволяют осветить в отзыве содержание всех статей сборника. Две статьи сборника (*A.R. George. Babylonian Texts from the Folios of Sidney Smith. Part Three. С. 173–186* и *W.G Lambert. Enbilulu and the Calendar. С. 237–242*), помимо данной рецензии, подробно разобраны в отдельной рецензии В.В. Емельянова (ВДИ. 2009. № 1. С. 227–235).

Для удобства читателей рецензируемые в данном отзыве статьи сборника объединены по тематике в несколько основных разделов. Это объединение, безусловно, достаточно произвольно, тем более, что многие статьи затрагивают сразу несколько тем и почти все сопровождаются публикацией клинописных документов.

ПУБЛИКАЦИИ

Многие статьи сборника, как уже упоминалось, посвящены публикациям отдельных клинописных документов или группы документов и анализу их содержания.

W.W. Hallo. Another Ancient Antiquary (с. 187–196). Статья одного из старейшин ассириологии В. Халло посвящена не только публикации поздней копии древнего клинописного текста, как явствует из заглавия, но и самому феномену, известному всем ассириологам, но не получившему до сих пор исчерпывающего объяснения. Речь идет о копировании древних текстов менее древними писцами.

Такие тексты можно разделить на две категории: 1) аутентичные тексты, изготавливаемые одновременно для архивных целей и (что не отмечено автором) для вручения всем участникам сделки (продавцу и покупателю, кредитору и должнику и т.п.) и 2) копии «антикварные», сделанные иной раз через несколько или много столетий после написания оригинала. Четкой их классификации автор не дает, но, думается, она все-таки возможна. Это, во-первых, копии, изготавливаемые по необходимости и по необходимости же пополняемые и поправляемые, например, древние хроники, дополненные более поздними событиями. Так возникают различные варианты одного и того же текста (наиболее яркий пример – Шумерский царский список). Во-вторых, копии в точном смысле слова, изготавливаемые в учебных целях, для «музея» и, наконец, для демонстрации высокого мастерства копииста. Видимо, к этой последней категории и относится публикуемый В. Халло текст MLC 8075. Он представляет собой надпись основателя государства III династии Ура Ур-Намму (2112–2094 гг. до н.э.), которая первоначально была отштампована на кирпиче из храма Эанна и посвящена реконструкции этого храма, проведенной по приказу Ур-Намму. Известно около двух десятков «оригиналов» этого текста. Нововавилонская копия имеет колофон со ссылкой на оригинал и с именем копииста.

Статья содержит подробный анализ этой любопытной таблички, ее копию и обширную библиографию. Копия позволяет заключить, что копиист, живший в VI в. до н.э., которого звали Мардук-нацир, сын Ибни-Иштара, мог свободно и точно воспроизводить сложные знаки времени III династии Ура. Цель его работы, видимо, и состояла в том, чтобы продемонстрировать свое мастерство (*В.А. Якобсон*).

J. Klein. An «Old Akkadian» Sale Document of Unknown Provenance (с. 223–236). Дж. Клейн, один из ведущих современных шумерологов, опубликовал в сборнике уникальный текст экономического характера – контракт о продаже. Что именно продавалось, неясно, так как знак, обозначающий объект продажи, частично поврежден. Автор считает, что это был участок необработанной земли, П. Штайнкеллер – что это был дом или сад (с. 224, прим. 8). Текст записан на глиняной табличке, которая имеет необычную форму двояковыпуклой линзы. Форма документа, его нестандартное содержание и использование в тексте ряда уникальных формулировок, а также явная незавершенность текста дали основания автору предположить, что представленная табличка является школьным упражнением, возможно, школьной копией староаккадского документа, составленной в период Ур III (*Н.В. Козырева*).

M.P. Maidman. A Stray Nuzi Next from Belgium (с. 243–246). Опубликованный в данной статье текст представляет собой типичную для документов из Нузи запись судебного разбирательства, касающегося незаконного захвата и использования поля. Интересным представляется тот факт, что в документе (сткк. 5, 7, а не 7–8, как указывает автор в примечаниях) упоминается уникальный топоним URU Ag-WA, который в других текстах из Нузи не встречается. К сожалению, оригинал таблички с текстом пропал из коллекции музея Брюсселя, и издание сделано по рисованной копии (*Н.В. Козырева*).

M. Stolper. Parysatis in Babylon (с. 463–471). В своей статье Мэтью Столпер дополняет новой публикацией серию хозяйственных документов из поздней, ахеменидской Вавилонии, где упомянута женщина по имени Пурушату. До сих пор с таким именем была известна хозяйка недвижимости в районе Ниппура (архив Мурашу); новый текст, VAT 15618 (Bab 14269), происходит, вероятно, из Вавилона (место изготовления повреждено). Еще Б. Майснер предположил в 1904 г., что это – известная по сообщениям античных авторов (Ксенофонт, Ктесий, Плутарх и др.) – Парисатида, дочь Артаксеркса I, царица Ахеменидской империи, жена Дария II и мать Артаксеркса II и его мятежного брата Кира. Ее иранское имя восстанавливается как *Paryšyati (*Paryšyāti) (с. 468 с прим. 13). Среди свидетелей упомянут ее раб Патнету (др.-перс. *Pati-naida-). Несмотря на распространенность имени Парисатида (мать Артаксеркса II звали так же), идентификация Майснера остается в силе. Ее подкрепляет наличие в документах имен подчиненных Парисатиде людей с титулами *paqdu*, *dajān bīti/bābi* и т.п. В других текстах носители этих титулов являются непосредственными подчиненными царя. Публикуемый документ издатель датирует временем Артаксеркса II, когда Парисатида была отослана от царского двора в Вавилон (*Н.О. Чехович*).

Самую масштабную публикацию клинописных документов в данном сборнике содержит статья *D.I. Owen, E. Wasilewska*. Cuneiform Texts in Utah Collection (с. 259–296). В ней опубликованы 43 ранее не издававшихся клинописных документа из трех коллекций американского штата Юта. Авторы представили каталог и описание всех текстов вместе с прекрасными копиями и транслитерацией, а также составили подробные индексы к текстам. Большинство текстов (29) относится к периоду Ур III. Они происходят из Пузриш-Дагана, Уммы и Лагаша. Остальные 15 текстов, многие из которых сохранились только фрагментарно, относятся ко времени Гудеи (30), Старовавилонскому (32–38) и Нововавилонскому (39–43) периодам.

Как указывают сами издатели, по своему содержанию представленные тексты не являются уникальными, все они происходят из хорошо известных мест и архивов. Тем не менее публикация этой группы документов, сделанная на самом высоком научном уровне, имеет большое значение, поскольку каждый из этих текстов добавляет новые штрихи и детали к уже известным по ранее опубликованным документам фактам, и мы должны быть благодарны издателям, работа которых позволяет расширить наше понимание социально-экономической реальности древней Месопотамии (*Н.В. Козырева*).

В раздел «Публикации» можно отнести и статью *M. Sigrist*. Droit de pêche: Tablette St. Étienne 26 (с. 391–400). Каталог клинописных текстов, хранящихся в монастыре Сент-Этьен в Иерусалиме, был опубликован М. Сигристом в соавторстве с А. Миллардом еще в 1985 г. (*Sigrist M., Millard A.R.* Catalogue des tablettes cunéiformes du Couvent Saint-Étienne // *Revue Biblique*. 1985. 92. P. 570–576). В статье приведен перевод и транслитерация одного из текстов данной коллекции и дан краткий комментарий к нему. Этот очень интересный, но трудный для понимания документ из Южной Месопотамии времени III династии Ура (XXII–XXI вв. до н.э.), написанный по-шумерски, касается прав на рыболовство. По мнению автора, текст документа, к сожалению, несколько поврежденный, содержит либо фиксацию каких-то злоупотреблений в распределении улова рыбы, либо запись спора по поводу того, какому из двух городов, Лагашу или Умме, принадлежат права на вылов рыбы в определенных водоемах. Рыболовство было важной хозяйственной отраслью Южной Месопотамии, и документы, касающиеся этой сферы, сохранились от всех периодов истории вплоть до Нововавилонского. Известно, что в Старовавилонский период права на вылов рыбы в водоемах, расположенных вокруг города Ура, принадлежали главному храму города, храму бога Нанны. Вероятно, и в предшествующий период, к которому относится опубликованный М. Сигристом документ, именно городские храмы Лагаша и Уммы владели правами на улов рыбы, по поводу которых возник спор, тем более, что в самом тексте указано, что рыба предназначалась для жертвоприношений (*Н.В. Козырева*).

ГАДАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ, ЗАКЛИНАНИЯ, ЗАГОВОРЫ, АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ И КАЛЕНДАРНЫЕ ТЕКСТЫ

Почти треть работ сборника (12 статей) посвящена различным аспектам изучения гадательных текстов (омина), заклинаний, заговоров, а также связанных с ними ритуалов и практике гаданий.

Гадания, магия, астрология – эта сфера привлекает внимание многих современных ассириологов, чему немало способствовали и труды в этой области самого Э. Лихти. Достаточно вспомнить издание им клинописной серии гадательных текстов *Šumma izbu* и его многочисленные статьи по этой тематике (см. список работ юбилея на с. xxiii–xxvii).

Статьи И. Финкеля, С. Фридман и М. Геллера представляют собой публикации отдельных текстов, связанных с практикой гаданий. *I.L. Finkel. On an Izbu VII Commentary* (с. 139–148). В статье приведена автография, транслитерация и комментарий к тексту, который представляет собой, по-видимому, позднеавилонскую копию комментария к одному из разделов серии гадательных текстов *Šumma izbu*, опубликованных Э. Лихти в 1970 г. Текст завершается колофоном, в котором упоминается известное и по другим источникам имя писца из Урука Икиши, сына Иштар-шум-эреш, потомка Экур-закира (*Н.В. Козырева*).

S. Freedman. BM 129092: A Commentary on Snake Omens (с. 149–166). Статья содержит публикацию клинописного текста (BM 129092), который представляет собой комментарий к предсказаниям, упоминающим змей. Большинство комментариев, содержащихся в данном тексте, как показывает автор статьи, могут быть точно соотнесены с определенными предсказаниями (омина) из известной серии *Šumma Alu*. Серия предсказаний, известная под названием *Šumma Alu*, в течение многих лет была предметом исследования Э. Лихти. Именно он предложил автору статьи заняться публикацией этой серии и оказал ей огромную помощь в этой сложной работе. Первый том издания вышел в 1998 г. (*Freedman S. If a City Is Set on a Height. Vol. 1. Philadelphia, 1998*), в ближайшее время предполагается издать и второй том. Среди этой огромной серии предсказаний, как указывает автор статьи, 205 предсказаний связаны со змеями. Вновь публикуемый клинописный текст из собрания Британского музея содержит комментарий для 40 из этих предсказаний (*Н.В. Козырева*).

M.J. Geller. Practice or Praxis (с. 167–172). В статье содержится публикация двух небольших клинописных текстов из коллекции Филадельфии. Установить, были ли они школьными упражнениями или записями для практической деятельности, не представляется возможным в отсутствие контекста. Один из текстов содержит фрагмент фармакологического рецепта (CDS 8680), а второй – часть заклинания, в котором упоминается использование некоторых растений для магических ритуалов (CDS 1720). В статье приведены автографии текстов, транслитерация, перевод и небольшой филологический комментарий (*Н.В. Козырева*).

К этой же группе можно отнести и статью *P.-A. Beaulieu. The Astronomers of the Esagil Temple in the Fourth Century BC* (с. 5–22). В своей статье П.-А. Болье публикует поврежденный документ из Йельской коллекции (YBC 11549), содержащий записи о выдаче рационов ячменем для писцов «серии “Энума Ану Энлил”», т.е. астрономов. Автор, основываясь на теофорных именах в списке получателей довольствия, в основном с элементами Бел-, Мардук- и Эа-, делает вывод о том, что эти 14 астрономов служили в вавилонском храме Эсагила. В документе отсутствует имя царя, указан лишь шестой год. На основании внешних данных и некоторых данных текстологии (написание BAR для месяца нисану и UMUN для имени бога Бела, сходство с датированными списками) автор предполагает, что документ составлен в IV в. до н.э., возможно, при Артаксерксе III, т.е. в 353/352 г. до н.э.

Этот документ в том случае, если датировка верна, заполняет большой пробел между материалом предшествующего периода и особенно богатыми данными по астрономии последующего, эллинистического времени. В дополнение к публикации автор дает сводную таблицу сходных документов с отчетами о выдаче довольствия храмовым служащим (по профессиональному признаку): ремесленникам, музыкантам, жрецам, а в ряде случаев женам ремесленников. Помимо этого П.-А. Болье приводит список профессий из этих документов.

Проблема заключается в том, что ни один из списков не называет прямо храм, к которому относится архив. Указание на Эзиду в документе ТЕВР № 96 не противоречит, по мнению автора, отнесению всего архива к Эсагиле. Можно было бы вспомнить здесь известное указание Страбона (XVI. 1) на соперничавшие астрономические школы в поздней Вавилонии: школы «орхенов» и «борсиппенов» (т.е. ученых из Урука и Борсиппы). Впрочем, дальнейшие исследования внесут, думается, ясность в этот вопрос (*Н.О. Чехович*).

P. Michalowski. How to Read the Liver – In Sumerian (с. 247–258). Широкое использование гаданий и предсказаний считается одной из самых ярких особенностей месопотамской культуры. Библиотеки Вавилонии и Ассирии I тыс. до н.э. были заполнены огромным количеством таблицек с собранными в отдельные серии текстами предсказаний-омина. Однако все эти тексты были составлены на аккадском языке, не было найдено ни одного раннего текста предсказания, составленного по-шумерски. Известные шумерские варианты текстов омина представляют собой поздние тексты-билингвы, явно переведенные с аккадского. Хотя в гимне конца III тыс. до н.э. царь Шульги хвалится своими способностями читать по печени, гадательные тексты, составленные ранее Старовавилонского периода, не известны.

В своей статье Петр Михаловски публикует текст, который, по его мнению, является самым ранним вариантом предсказания (омина), записанного на шумерском языке. Он представляет

собой школьную копию письма царя города Казаллу Пузур-Нумушда, адресованного последнему царю III династии Ура Ибби-Сину (2027–2003 гг. до н.э.). Автор отмечает, что текст носит характер литературного и не связан напрямую с гадательной практикой, но, судя по нему, школьные учителя этого времени имели представление о предсказаниях и умели пользоваться своими знаниями. Поскольку автор предполагает в ближайшее время издать всю переписку царей III династии Ура, в том числе и вышеупомянутое письмо, с подробными комментариями, имеет смысл отложить обсуждение этой проблемы до выхода заявленного издания (*Н.В. Козырева*).

F. Rochberg. Old Babylonian Celestial Divination (с. 337–348). Старовавилонские астрономические предсказания были частью обширной системы предсказаний по различным знакам физического мира. Автор статьи задается вопросом, когда в Месопотамии возникает традиция небесных предсказаний, зафиксированная со второй половины II тыс. до н.э. в серии астрономических предсказаний Энума Ану Энлиль. Представление о знаках на небесах было известно, как указывает Ф. Рошберг, уже в Лагаше конца III тыс. до н.э. (надписи Гудеа), однако текстов предсказаний-омина от III тыс. у нас нет. Самые ранние записи предсказаний, основанных на наблюдениях за движением небесных тел появились, как показывает автор, в Старовавилонский период, скорее всего, в конце XVII в. до н.э. Это же время было, вероятно, и временем возникновения вавилонской астрономии, когда зародилась практика постоянных астрономических наблюдений и систематизации астрономических явлений (*Н.В. Козырева*).

A.R. George. Babylonian Texts from the Folios of Sidney Smith. Part Three: a Commentary on a Ritual of the Month Nisan (с. 173–185). Статья Э. Джорджа продолжает начатую им в конце 1980-х годов серию публикаций по неизданным материалам выдающегося ассириолога Сидни Смита, работавшего в Лондоне в первой половине XX в. Э. Джордж анализирует здесь очень трудный текст BM 54312, являющийся комментарием к не дошедшему до нас ритуалу. Возможно, его писал ученик; время записи комментария – Нововавилонский или Поздневавилонский период. Сохранился поврежденный фрагмент, касающийся ритуалов, проводившихся с 5-го по 11-е число месяца нисану, когда, как известно, в Вавилонии праздновалось новогодие. Э. Джордж считает, что текст прямо связан с этим праздником в Вавилоне. Комментарий дает «ученое» объяснение деталям сложного облачения некоего участника культовой церемонии; его титул не сохранился, но Э. Джордж предполагает, что он виден в первой строке и восстанавливает слово *ku-lu-ú* – «гермафродит», «служитель культа женских божеств». Сомнения сохраняются: написание необычное (пропущен *alef*), от себя добавил, что перед титулом ожидаешь детерминатив *lu*. Не исключено другое восстановление, например: *meš lu-ú*. Можно согласиться с автором в том, что переписчик комментария происходил из Вавилона: текст предвзят не редким для позднего времени благопожеланием писца: «По слову Бела и Бельгии да будет (успешно) завершено (это писание)!» Будь писец из другого города, он испросил бы благословения у своих богов (Ану и Анту обычны для позднего Урука). К сожалению, имя бога, «перед которым» проводится ритуал, отбито (ст. 1). Но в ст. 3 повторена дата: «от 5-го до 11-го дня ритуалы божества A[...]».

Джордж восстанавливает имя вавилонской богини Ануниту, считая, что именно ее статую освящают, обрызгивая сакрализованной водой. Доказательство – суффиксальное местоимение ж. р. -*ša*. Комментарий отмечает, что при этом очищаются «страны». Следом идет облачение персонажа в одеяния богини Ануниту, причём в три сразу. Следуют семь поясов *šá qablu*, затем семь и семь каламов (тростниковых палочек для письма по глине: *qantuppi*). Они прикрепляются соответственно к правому и левому бокам персонажа, а спереди и сзади – еще по два таких прибора для письма. Всем им даются имена богов: правым – от Ану до богини Белет-или, левым – имена так называемых «семерых Нинурт», от Ураша до Пабильсага. Джордж указывает на полностью совпадающий список этих «Нинурт» еще в двух ритуальных текстах: KAR 142 I 22–25, издан *Pongratz-Leisten B. Ina Šulmi Irub. Mainz, v. Zabern, 1994* (BaF 16). P. 221, и в ритуале о реставрации культовых статуй (переиздан *Walker C.B.F., Dick M. The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia: The Mesopotamian Miš Pt Ritual. Helsinki, 2001*. P. 240). Далее перечисляются пояса и полотнища, идущие от плеч и до пояса. Затем говорится о поясе (в ед. ч.), «имя им (*šum-šuni* – мн. ч.!) – Папсуккаль Ану». Э. Джордж решает, что поясов два, и эмендирует союз «и» между именами богов.

На это хочется возразить. На табличке выражение *mi-šú-ni* выписано точно под такой же группой знаков из предыдущей строки. Двумя строками выше и тремя ниже та же группа знаков. Видно, что в двух случаях писец сознательно подгонял выражение «имена их», отступая от предыдущего текста, чтобы добиться эстетического эффекта. Это характерно для писцов того времени. Они любили помещать одинаковые словосочетания точно друг под другом, в столбик. Та же любовь к унификации могла подвинуть писца к добавлению ненужного знака -*ni*. В дей-

ствительности речь, скорее всего, идет об одном поясе *nēbehu*; Папсуккаль – это слуга, посланник бога Ану, и имя Папсуккаля, стоящее перед именем Ану, – явный случай статуса конструктора. Не исключено, что этот пояс имел свисающий свободный конец, как бы хвост, что напоминает нам «хвост» шамана, жреца, являющийся связью мировых сфер по вертикали. Далее речь идет о шерстяных шнурах или прядях белого, красного и синего цвета, также по семи справа и слева, ниспадающих от пояса. Правые объяснены в комментарии как звезды, Плеяды, левые – это «семь рек». На деле в сохранившемся тексте рек шесть, это не отмечено у Э. Джорджа. Скорее всего, первым номером в лакуне следует ожидать знак *íd* в значении мифической Реки, Идлуругу, к которой (в мифологическом пространстве) шли, совершая ордалию; там ежегодно очищали себя богини (KAV 218 A II 18). Именно такая цепочка рек, видимо, намечена в ст. 4. Э. Джордж привлекает для сравнения (с. 177 с прим. 20) ритуальный текст из селевкидского Урука, где так же содержатся подробные инструкции об одежде и украшениях участников церемонии, в частности, об одежде царя, когда он «берет за руки богов» (*ina šabat qātē ilāni*). Действительно, в этих текстах немало общего. Хочется более детально провести это сравнение. При этом, кажется, становится возможны некоторые восстановления. Falkenstein. UVB 15. S. 40, W 18728 rs.12 (слово *aš-pú-ú* у Фалькенштайна не прочитано): *uskaru* (u₄. sakar)^{na4} *kunukku* (kišib)^{na4} *aš-pú-ú kišādi* etc. – «серп (Луны), печать из яшмы (для) шеи...».

George, 1.19 (первое слово с моей попыткой восстановления. – Н.Ч.): [... *as?*]-GA?-ri^d *šín* (XXX) *ku-lu-lu qaqqadi* (sag.du)-šú *aššu* (mu)^{na4} *kunukku* (kišib)^{na4} *aš-pú-u aban* (na₄) *šarru* (lugal)-[tu...]- «серп(?) Луны, тиара головы его (то есть), печать из яшмы, камня царственности...».

Если восстановления верны, две детали облачения в наших текстах совпадают: полумесяц – символ бога Луны Сина – и носимая на шейном шнурке печать из яшмы. Конец строки у Джорджа поврежден. В обоих текстах есть описание наряда с каламами. Стати, первый и единственный из ассирийских царей, изображавшийся с письменными принадлежностями, засунутыми за пояс, – Ашшурбанапал, царь, получивший волею судьбы жрецское образование (*Seidl U. Assurbanipals Griffel // ZA. 2007. 97. S. 119–124*). Но его писцовый набор, хотя и выполняет знаковую функцию, кажется еще вполне мирским предметом, хотя и не вполне уместным в сцене охоты. Хотелось бы понять роль каламов в поздних ритуалах. Не является ли палочка для письма так же, как и пояс, связующим элементом между мирами – обыденным и сакральным? Э. Джордж справедливо отмечает, что таинственный персонаж, облаченный в столь сложный наряд, воплощает в одном лице почти весь пантеон Вавилонии, за исключением богов Мардука и Адада. По мысли Джорджа, Мардука как главного героя ритуала этот персонаж сопровождает, поэтому Мардук и отсутствует среди упомянутых групп богов. Текст Фалькенштайна специально указывает, что в ритуале участвует царь, берущий за руки богов (а не одного бога) (ст. 8' оборота). В тексте Джорджа не сохранилось прямых указаний на участников церемонии, хотя выражение «ритуал А[нуниту]», возможно, восстановлено верно. Но в деталях одеяния упомянута яшма, «камень царственности». Закрадывается подозрение, что персонаж, действующий в течение семи дней праздника – все-таки царь, а не служитель-гермафродит. Впрочем, тонкий анализ текста, проведенный Э. Джорджем, вызывает восхищение, и, возможно, с появлением новых материалов можно будет с большей определенностью говорить об участниках этого действия (*Н.О. Чехович*).

JoAnn Scurlock, Farouk Al-Rawi. A Weakness for Hellenism (с. 357–381). Статья ДжоАнн Скерлок и Фарука Аль-Раби, перевод названия которой был бы затруднителен из-за игры слов «слабость» и «неделя», содержит анализ весьма сложного медико-астрологического материала из Месопотамии и сопредельных территорий. Текст позднего времени BM 76483 предписывает использовать притирание, амулеты, окуривание дымом растений в течение определенных отрезков времени в зависимости от знаков зодиака. Тот же самый текст был исследован в статье Нильса П. Хеселя (Nils P. Heessel) в журнале *Orientalia*. NS. 2005. 75. P. 1–22. Авторы договорились опубликовать оба исследования независимо друг от друга.

Поразительная особенность текста – периоды времени, на которые разбит каждый месяц в сохранившемся фрагменте, равные 7 дням и могут быть названы неделями в современном смысле, что является новостью для Месопотамии, как будто не знавшей такой традиции. Притирание рекомендуется делать в течение одной недели по графику, «скользящему» через весь год: 22–28 арахсамна, 1–7 кислиму, [8–14] тебету, 15–21 шабату, 22–28 аддару. Текст представляется уникальным. Авторы приводят несколько других текстов медицинского назначения, различающихся по ряду признаков. Так, текст BM 56605, с точки зрения календаря, носит следы немесопотамской традиции, а именно римской, введенной в 153 г. до н.э. Он начинается с созвездия Водолея (январь–февраль). Помимо этого из текста может быть вычленена сложная система соотношения знака зодиака, планеты, вида камней (для амулета), цвета, вида растений. Авторы

привлекают также текст LBAT 1593, где прослеживается система «мужских» и «женских» месяцев, что должно было помочь предсказать пол ребенка в сочетании с положением планет. Авторы далее показывают, что физиогномические гадательные тексты из Месопотамии могли оказывать влияние на соответствующую литературу эллинистического времени (находки в Кумране, египетские материалы). Собранные Р. Бигзом тексты (RA 1968 b2) свидетельствуют об имевшейся в Вавилонии позднего времени обширной литературе комментариев, в некоторых своих чертах сближавшейся с идеями эллинистических философов (теория четырех стихий).

Статья содержит богатый сравнительный материал; важные выводы могут быть сделаны в вопросе о влиянии «халдейской» традиции на Птолемея и Пифагора, на персидскую астрологию. Кроме того, авторы стараются показать, что часто встречающееся мнение об угасании клинописной культуры в позднеавилонское время может быть опровергнуто. Мелочи, нуждающиеся в исправлении: на с. 363, очевидно, перепутаны цифры в инвентарном номере; надо: BM 76483. С. 368: Empiricus (*Н.О. Чехович*).

В эту же группу можно включить и еще несколько статей сборника. Статью известной исследовательницы *E. Reiner*. If Mars Comes Close to Pegasus (с. 313–324), которая посвящена анализу использованию отдельных терминов (*tehu/TE – to come close*) в астрономических текстах предсказаний серии Энума Ану Энлиль. Статью *J. Polonsky*. The Mesopotamian Conceptualization of Birth and the Determination of Destiny at Sunrise (с. 297–312), в которой рассматривается месопотамская концепция рождения и определения судьбы по солнечному восходу. Автор сравнивает текст молитвы за роженицу, обращенный к богу солнца Шамашу (I тыс. до н.э.) с заклинаниями и другими текстами и подробно рассматривает существовавшие в Месопотамии представления о связи между восходом солнца, рождением ребенка и определением его судьбы. Статью *N. Veldhuis*. Divination: Theory and Use (с. 487–498). Автор исследует отражение в текстах практики предсказаний и пытается реконструировать сам процесс гадания, от начала до конца.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

A. Drafkorn Kilmer. Visualizing Text: Schematic Patterns in Akkadian Poetry (с. 209–221). Проводя с аспирантами семинар по аккадскому поэтическому тексту «Энума элиш», автор статьи и ее слушатели обратили внимание на одну интересную и немаловажную особенность построения этой поэмы. В сохранившейся полностью первой табличке «Энума элиш» содержится 162 строки, и о самом важном событии – рождении Мардука – говорится точно в середине текста (сткк. 80–81): // В Апсу был создан Мардук, // В чистом Апсу был создан Мардук. // Важнейший эпизод всей поэмы – убийство Тиамат – также приходится на центральную часть повествования, четвертую табличку «Энума элиш», состоящей из семи табличек.

Изучая построение других поэтических текстов, старовавилонского «Эпоса об Атрахасисе», «Эпоса о Гильгамеше» и «Сошествие Иштар в Преисподнюю», исследователь пришла к выводу о том, что древние писцы размещали узловые моменты повествования симметрично, отмечая ими центр текста, первую четверть и три четверти. Это делалось также и внутри почти каждой таблички. Такие важные моменты подчеркивались повторами, занимающими две, три или четыре строки. Иногда речь персонажей или какое-либо описание дословно повторяются в начале, середине и конце таблички. Конечно, к этому наблюдению надо относиться с осторожностью: нередко таблички сохранились фрагментарно или их текст реконструируется современными учеными с использованием различных версий сочинения. И все же как «система» такой принцип построения поэтических текстов, кажется, в целом работает.

Ни одна из табличек не повторяет схему-узор другой. А. Драфкорт Килмер сравнивает эти тексты с узорами на ткани, которые обычно повторяются и обнаруживают определенную симметрию. Ключевые слова используются в текстах с повторами и тоже «симметрично», как и определенные элементы узора (розетки) на ткани.

Многие поэтические тексты исполнялись под музыку. Чаще всего каждая строка содержит четыре музыкальные доли; строки, возможно, представляли собой музыкальные такты. Указания на количество строк в конце таблички в таком случае представляют собой подсчет музыкальных тактов в сочинении, это весьма важно для исполнителей.

Далее автор статьи отмечает, что в месопотамской традиции создание поэтических текстов уподобляется процессу ткачества или плетения. Сама разлинованная, но еще не покрытая значками глиняная табличка напоминает ткацкий станок с основой, а стилос метафорически связан с ткацким челноком. Интересен и позднеаккадский термин для писца – *kāšir kammi* («вязальщик дощечки для письма»); так и представляется изготовитель ковров у вертикального станка. Лю-

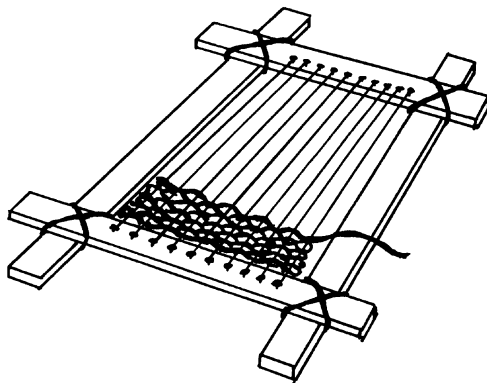

Рис. 1

бобытны и параллели в классическом греческом, где песни «ткут» на струнах лиры с помощью ткацкого челнока.

В одной из своих более ранних статей А. Драфкорн Килмер, анализируя «Эпос об Атрахасисе», высказала предположение, что повторения определенных «тем» в поэме придают произведению некоторое сходство с фугой, вне зависимости от того, сопровождалась ли она особыми музыкальными пассажами. Все это заставляет усомниться в наших прежних представлениях о монотонном произнесении слов поэтических произведений под заунывный аккомпанемент арфы или барабана. Тщательная разработка сделанных предварительных наблюдений позволит узнать, что же именно древние сочинители считали важными моментами в повествованиях, а также строить более обоснованные предположения о содержании утраченных или сильно поврежденных отрывков поэтических текстов.

Автор статьи солидарна с Пьетро Мандером, заметившим некоторое сходство в проведении параллельных борозд в поле и создании строк на табличках (шумерская идеограмма SAR использовалась как для обозначения садоводческих работ, так и для передачи глагола «писать»). Она также отметила роль хиазмов в библейской поэзии (Книга Песни Песней Соломона, конец 4:14 и начало 4:15) и удивительно симметричные построения в зороастрийской поэзии.

Графически наблюдения А. Драфкорн Килмер трудно проиллюстрировать: огромное число строк в поэмах потребовало бы очень длинных и неудобных для пользования полос бумаги, но компьютерные схемы позволяют сделать это. Строки повествования складываются, как кусок ткани. При «развертывании» узоры хорошо видны. Автор приводит в качестве примеров схемы построения «Сошествия Иштар» (138 строк), Гильгамеша X (327 строк) и XI (320 строк). В «Эпосе о Гильгамеше» лишь XII таблица не отличается симметрией и другими приемами, о которых говорит автор; это убеждает ее в том, что XII таблица была «добавлена» к изначальным одиннадцати. А. Драфкорн Килмер полагает: такой «рисунок таблиц» говорит в пользу того, что эти тексты задумывались и исполнялись писцами. В этом она солидарна с К. Хеке-ром, который утверждал, что сложные произведения эпической поэзии, включая даже кажущиеся формульными строки, были созданиями писцов из «дома табличек», а не вышли из устной традиции.

Заключают работу два очаровательных рисунка, служащих наглядной иллюстрацией к общему содержанию статьи (рис. 1–2).

В целом статья А. Драфкорн Килмер кажется очень интересной и достаточно убедительной. Правда, отдельные положения могут вызывать определенные сомнения: число разного рода повторов в аккадских поэтических текстах велико. Игнорирование некоторых из них и подведение других к узловым моментам повествования может показаться иной раз делом произвольным. Кроме того, можно допустить, что ученые писцы в ряде случаев брали исходный материал из устной традиции и лишь упорядочивали его соответственно своим вкусам и представлениям. Однако исследование А. Драфкорн Килмер находится еще на ранней стадии. Продолжение его может оказаться крайне плодотворным (*И.С. Клочков*).

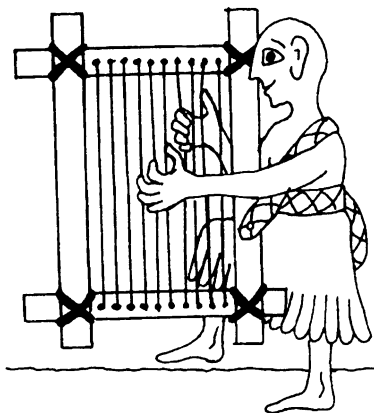

Рис. 2

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ И ФРАГМЕНТЫ

Åke W. Sjöberg. Some Emar Lexical Entries (с. 401–429). Эмар (средневековый Балис, современный Телль-Мескене, Сирия) – древний город на Евфрате, археологический и эпиграфический материал из которого относится к эпохе поздней бронзы и датируется XIV–XIII вв. до н.э. Он был открыт археологами в 1972 г., плановые раскопки его велись в 1973–1976 гг. Название древнейшего города Эмар, просуществовавшего до середины II тыс. до н.э., упоминается еще в текстах из Эблы и в документах из Мари. Новый город с тем же названием был отстроен хеттским царем Суппилулиумой или его сыном Мурсилисом II в XIV в. и долгое время являлся важнейшим торговым портом на пути из Сирии в Месопотамию; разрушен в 1180-х годах до н.э.

При археологических раскопках во дворце местного правителя были найдены первые 14 табличек с текстами, хранившиеся в кувшине. Впоследствии, в храмах Ваала (Ба'лу) и Астарты, а также в частных домах было обнаружено еще несколько сот клинописных табличек, изучение которых значительно обогатило наши представления об истории и культуре этой части Приевфратья в XIII в. до н.э. Найденные тексты отражают различные стороны жизни городского общества, затрагивая частную, правовую, административную и религиозную сферы. Большинство их них написаны на аккадском языке, некоторые – на хеттском и хурритском языках. Около 400 оттисков печатей, сохранившихся на глиняных табличках, свидетельствуют о том, что этот регион, испытывая различные влияния, в том числе анатолийское, находился, прежде всего, под культурным влиянием Месопотамии.

В своей статье известный шумеролог О. Шёберг, основываясь на базовом издании текстов из Эмара, осуществленном Д. Арно в 1987 г., а также на публикации М. Сивила, вышедшей в 1989 г., делает подборку лексикографических текстов из Эмара, представляющих собой варианты таких хорошо известных из Месопотамии лексических списков, как Izi, Lu и других. Приводимые в статье тексты являются билингвами (шумеро-аккадские) и фрагментарно сохранившимися трилингвами (шумеро-аккадско-хеттские), частично совпадающими с подобными трилингвами, обнаруженными в Угарите. Лексические тексты из Эмара характеризует своеобразное написание.

Подробный комментарий к шумерским и аккадским лексемам составлен автором на основе привлечения самого широкого круга современной литературы по шумерологии и ассириологии, прежде всего на изданиях лексикографических и литературных текстов. В ряде случаев предлагаемые этимологии ненадежно засвидетельствованных аккадских лексем опираются на семитскую лексикографию (словари арабского языка, арамейских диалектов, древнееврейского и мишнитского еврейского) (А.В. Немировская).

M. Civil. BE₃/PE-EN-ZÉ-ER = *biššuru* (с. 55–61). Статья известного шумеролога и ассириолога М. Сивила посвящена изучению происхождения и семантики одного шумерского слова, несколько раз встречающегося в лексических текстах (Proto-Lu, Proto-Izi, версии Lu из Эмара и Угарита), а также в литературных текстах. Лексическое значение этого анатомического термина, по всей видимости, заимствованного в шумерский из аккадского языка, М. Сивил определя-

ет как «женский половой орган или его часть», ср.: ‘female genitals’ для аккадского языка и ‘clitoris, vagina’ для общесемитской леммы в Этимологическом словаре семитских языков (*Militarev A., Kogan L. Semitic Etymological Dictionary. Münster, 2000. Vol. 1. №. 37*).

Несмотря на то что и аккадское *bissūru*, и шумерское *be₂(en-)zē-er* имеет синонимы или, по мнению М. Сивила, квазисинонимы, точное лексическое значение термина определить затруднительно не только в силу немногочисленности контекстов, но и по объективным причинам, поскольку терминологию такого рода, с одной стороны, отличает расплывчатость значения и метафоричность употребления, а с другой – четкая социолингвистическая функция (вулгаризм, непристойность или нормативное употребление), которую для столь отдаленного исторического периода определить крайне трудно. К тому же заимствование может приобрести новые оттенки значения. На основе литературных контекстов исследователь предполагает, что в шумерском языке это слово могло употребляться как вулгаризм, соответствующий нормативному *gal₂-la*. Возможно, его первоначальное значение следует реконструировать как «лобковые волосы», поскольку второе значение рассматриваемого слова – в этом случае оно сопровождается детерминативом ú (‘растение’) – «паутина». Примечательно, что с этим значением, к тому же вместе с инкорпорированным детерминативом, лексема была, в свою очередь, заимствована уже из шумерского в аккадский в форме (*u*)*pinšer*. М. Сивил предполагает, что и аккадское *bunzirru* – «сеть, силки» является обратным заимствованием из шумерского, восходящим к той же лексеме (*A.V. Немировская*).

СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТДЕЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

Три статьи сборника, которые можно включить в данный раздел, посвящены различным аспектам социальной и политической истории трех городов Месопотамии – Ниппура, Уммы и Ниневии – в конце III тыс. до н.э., т.е. в правление III династии Ура.

Atsuko Hattori. The Return of the Governer (с. 197–208). Данная статья, автор которой принадлежит к динамично развивающейся японской школе ассириологии, весьма интересна не только с точки зрения ее содержания, но и с точки зрения методов работы автора, показывая, насколько важную информацию можно извлечь даже из небольшого фрагмента стандартного клинописного текста, если автор способен поместить его в широкий исторический контекст.

Известно, что город Ниппур играл огромную роль в жизни Южной Месопотамии в III тыс. до н.э. Контроль над ним был важен не только для укрепления престижа и политической власти правителей, но и с экономической точки зрения. Этот важнейший культовый центр располагал огромными материальными ресурсами, которые стекались сюда со всей Южной Месопотамии.

Городская элита Ниппура, которая занимала ведущее положение в храмовой и городской администрации, естественно, старалась удержать в своих руках ключевые позиции управления городом. Особенно много информации о деятельности местной власти в Ниппуре сохранилось от времени Ур III. Исследования В.В. Халло и Р. Цеттлера показали, что история Ниппура в этот период развивалась вокруг двух основных центров: царской семьи и местного ниппурского семейного клана, дома Ур-Меме, представители которого на протяжении нескольких поколений занимали должность управителя Ниппура (энси).

Автор статьи публикует небольшой фрагмент документа из Ниппура времени Ур III с сохранившимся на нем оттиском печати одного из ниппурских энси из семьи Ур-Меме (CBS 11788). Текст представляет собой, вероятно, часть договора о продаже. Исследование текста, несмотря на его фрагментарность (сохранились только последние строки договора и оттиск печати энси), дало возможность автору выявить некоторую информацию, позволяющую уточнить порядок исполнения должности энси членами семьи Ур-Меме, и выдвинуть новые аргументы в пользу предположения о том, что между царским домом Ура и семьей Ур-Меме происходила серьезная борьба за контроль над Ниппуром (*H.V. Козырева*).

Сходную задачу, поставить отдельный публикуемый документ в широкий исторический контекст, постарался решить и автор другой статьи из этого раздела: *T.M. Sharlach. The Case of the Family that Fled* (с. 383–390). В статье анализируется один из множества текстов времени Ур III, происходящий из города Уммы (BM 106430, Gomi and Sato, Selected Neo-Sumerian Administrative Texts from the British Museum. Abiko. 1990. № 330). Автор приводит транслитерацию и перевод текста и делает попытку воссоздать социальный и исторический контекст, в рамках которого мог возникнуть этот документ.

Текст касается, как считает автор, людей двух разных социальных слоев: рабов, принадлежавших к царскому сектору провинции Уммы, и свидетелей, которые представляли высшие

круги царского двора. Четыре человека, две женщины, одна из них с ребенком, и один мужчина бежали от некоего Ур-лугаля, брата градоначальника (шакканаккума), причем уже не в первый раз, но были пойманы и возвращены, а затем в присутствии свидетелей переданы в качестве рабов в дворцовое хозяйство. Фактически переданы были две женщины с ребенком, так как мужчина умер. Несмотря на тщательную работу, проведенную автором, смысл документа остается неясным.

По мнению автора, бежавшие были рабами царского хозяйства, хотя в самом документе нет указаний на этот счет. Автор переводит знак GI в глаголе ba-gi-ne-eš как «to confirm and award», считая, что с помощью этого термина выражается подтверждение рабского статуса этих людей и их возвращение в прежнее состояние, однако не приводит никаких убедительных аргументов в пользу своего предположения. Совершенно необоснованным, как отмечает и сам автор, кажется и присутствие при возвращении в дворцовое хозяйство двух беглых рабынь с ребенком высокопоставленных лиц, в том числе родственников царя, в качестве свидетелей.

Возможно, беглецы были свободными людьми, находившимися под юрисдикцией градоначальника (шакканаккума), повторное бегство которых повлекло за собой наказание в виде изменения их социального статуса? Это одно из множества предположений, которое можно сделать по поводу этого интересного документа, понять смысл которого действительно невозможно без изучения широкого контекста (*Н.В. Козырева*).

В третьей статье из этой группы, *R. Zettler. Tisatal and Niniveh at the End of the 3rd Millennium B.C.* (с. 503–514), исследуется вопрос о состоянии и роли города Ниневии в конце III тыс. до н.э. Автор статьи – известный шумеролог и автор множества работ по истории Ниппура времени III династии Ура. В основу данной статьи, как и двух вышеупомянутых, легла публикация небольшого шумерского документа времени III династии Ура, который был найден при раскопках храма Инанны в Ниппуре (6 NT 559). Статья содержит транслитерацию и перевод этого небольшого текста и комментариев к нему.

Документ, датированный 3-м месяцем 9-го года правления Шу-Сина (2028 г. до н.э.), представляет собой очень краткий протокол, зафиксировавший принесение клятвы человеком по имени Тишаталь и восьмьюдесятью ниневийцами, сопровождавшими его. Судя по упоминанию в тексте титула, Тишаталь был правителем (*ensi*) города Ниневии во время царствования Шу-Сина.

Этот же, по-видимому, Тишаталь и сопровождающие его ниневийцы упоминаются и в документе из Эшнунны, составленном через полгода после ниппурского документа. В Эшнунне эти люди получили выдачу муки и масла. Р. Уайтинг, опубликовавший этот документ, высказал предположение, что в год составления документов Тишаталь в сопровождении своих слуг и воинов нанес «государственный визит» правителям Урской династии. Публикация Р. Цеттлера, по-казывает, что Тишаталь был в это время правителем Ниневии, и до того, как приехать в Эшнунну, посетил город Ниппур, где принес, по-видимому, клятву верности правителю Ура. Возможно, он нанес визит и в столицу, город Ур, но свидетельств этого не сохранилось. Мотивы этого визита становятся яснее, если принять предположение о том, что одна из родственниц Тишатала (дочь или сестра) была, возможно, замужем за царем Шу-Сином.

Город Ниневия, один из наиболее важных городских центров Северной Месопотамии, как указывает автор статьи, очень редко упоминается в клинописных документах конца III – начала II тыс., поскольку находился, по-видимому, за пределами прямого контроля Урской династии. Археологическое исследование Ниневии не дало практически никаких свидетельств существования города в самом конце III – начале II тыс. Тем не менее, как считает Р. Цеттлер, Ниневия вовсе не была оставлена населением в это время, и будущие раскопки, возможно, подтвердят это предположение.

Несмотря на свой небольшой объем, статья представляет значительный интерес для историков Месопотамии. Огромный исследовательский опыт и профессионализм автора позволили ему поставить крошечный шумерский текст (8 строчек, менее 20 слов) в плотный исторический и археологический контекст (*Н.В. Козырева*).

Несколько статей сборника посвящены различным аспектам истории Месопотамии во II тыс. до н.э. Среди них большой интерес о Старовавилонском периоде представляет статья *M.E. Cohen. A Small Old Babylonian Army of a-pi-ru-u* (с. 63–86). Известный исследователь приводит в ней новые данные, касающиеся термина хапиру (*(h)ar/biru*), толкование которого долгое время служило предметом ожесточенных дискуссий среди специалистов по истории древнего Востока. В настоящее время этот термин обычно рассматривают как обозначение членов низкого социального стратума, мигрантов, беженцев, разбойников, людей, лишившихся племенных связей, которые время от времени подвизались как наемники.

В своей статье М. Коэн приводит свидетельства того, что в Старовавилонский период *apiru* представляли собой четко организованную профессиональную наемную армию, которой командовал собственный офицерский корпус и в которой служили представители родственных семейных групп. Автор публикует два старовавилонских текста из коллекции музея Йельского университета (YBC 12073 и YBC 11032). Оба документа содержат список воинов, подчиненных некоему Варад-Сину, название военной должности которого можно условно перевести как «генерал» (gal.mar.tu). Имена воинов и последовательность расположения имен в обоих текстах почти полностью совпадают. Датировок нет, но есть названия месяцев, судя по которым один текст был составлен в 8-м, а другой в 9-м месяце.

В конце одного из списков (YBC 12073) в качестве итога приводится фраза: «62 апиру под ответственностью Варад-Сина, генерала» (62 lu₂.meš a-pi₂-tu-u₂ ni₂g₂.šu ir₃-d.EN.ZU gal.mar.tu). Во втором списке (YBC 11032) итоговая формулировка несколько другая: «61 воин, генерал Варад-Син» (1 ŠU 1 erin₂.meš gal.mar.tu ir₃-d.EN.ZU).

Между списками есть определенные различия, которые свидетельствуют, что их составляли разные писцы и, вероятно, в разных местах. Один из текстов (YBC 12073), по мнению автора, происходит из Ларсы. Непонятно, почему писец в одном случае особо отметил, что люди из списка были именно апиру. Возможно, платежи, снабжение или условия службы апиру отличались от тех, что были у других воинов. Однако во втором списке термин апиру не упоминается. Это дает автору основания предположить, что и в других списках, где нет этого термина, мы, возможно, тоже имеем дело с апиру, но не можем этого установить.

Анализируя вариант написания этого термина во вновь публикуемых текстах (a-BI-tu-u₂), М. Коэн выдвинул предположение о его этимологии. По мнению автора, он мог произойти от еврейского слова 'ārēg, родственного аккадскому arāgu, которое обозначало шарф или головную повязку.

Хотя принятое сейчас значение для термина хапиру (беженец, эмигрант и т.п.) во многих случаях кажется вполне обоснованным, судя по данным двум текстам, в Старовавилонский период этот термин мог использоваться для обозначения профессиональных военных наемников, отличительной чертой внешнего вида которых, возможно, было ношение специальных головных платков или повязок, прикрывавших лицо (*Н.В. Козырева*).

Со статьей М. Коэна о военных наемниках хапиру в определенной степени перекликается по своему содержанию статья Дж. Робертсона: *J.F. Robertson. Nomads, Barbarians and Societal Collapse in the Historiography of Ancient Southwest Asia* (с. 325–336). Статья начинается с вопроса о дефиниции термина «варвар» и заканчивается обзором истории изучения амореев и их роли в истории месопотамской цивилизации. Проблемы, затронутые автором, в частности, вопрос о взаимодействии оседлого и пастушеского населения на древнем Ближнем Востоке, носят фундаментальный характер. От их решения во многом зависит наше понимание хода мирового исторического процесса в целом. К сожалению, данная статья представляет эту сложную проблему, на наш взгляд, достаточно поверхностно и не всегда последовательно. По этому вопросу в науке высказывалось множество мнений и не только классиками ассириологии, но и начинающими исследователями. Совершенно непонятно, почему, излагая историю изучения аморейской проблемы, автор не упоминает труды таких выдающихся ассириологов, как Лео Оппенхейм и Д.О. Эдцард. Еще в 1985 г. оригинальная статья на эту тему была опубликована Н. Виксом (*The Old Babylonian Amorites: Nomads or Mercenaries? // Orientalia Lovaniensia Periodica*. 16. P. 49–57, Leuven). В ней подняты те же самые проблемы и в качестве аргументов обсуждаются те же события, что и в статье Дж. Робертсона. Во многом совпадают и выводы авторов (*Н.В. Козырева*).

M.T. Roth. Elder Abuse: LH § 195 (с. 349–356). Марта Рот известна своими публикациями клинописных законодательных текстов и комментариями к этим текстам. В данной статье речь идет о 195-м параграфе Законов Хаммурапи, устанавливающим суровое наказание (отсечение руки) для сына, ударившего своего отца. В статье приводятся многочисленные и интересные материалы, относящиеся к данному казусу. К сожалению, автор обходит молчанием (или не замечает?) самый интересный вопрос: как соотносится такое наказание с господствующим в Законах Хаммурапи и в Ветхом Завете принципом талиона, т.е. наказанием по принципу «равным за равное» (*В.А. Якобсон*).

Только одна статья сборника посвящена проблемам изучения истории Месопотамии Касситского периода, второй половины II тыс. до н.э. Она принадлежит перу виднейшего знатока этой эпохи Дж. Бринкмана. *J.A. Brinkman. The Use of Occupation Names as Patronyms in the Kassite Period: a Forerunner of Neo-Babylonian Ancestral Names?* (с. 23–43). В своей статье «Использование имен, происходящих от названий профессий, в качестве патронимии в Касситский период: предтеча нововавилонских имен предков?» Дж. Бринкман обращается к корням традиции, особенно ха-

рактерной для Новоавилонской эпохи, когда мы часто встречаем в документах указания на происхождение действующего в документе персонажа (он обозначает его словом *principal*): N1 (= *principal*), сын N2, с частым добавлением третьего элемента: потомка N3. Похожие цепочки из двух элементов Брикман обнаружил в документах касситского времени, XII в. до н.э. При этом имена (выписанные часто слоговым образом), представляющие собой названия профессий, но с детерминативом имени собственного, могут принадлежать и первому персонажу (N1), и его физическому отцу (N2), и его предку (N3). Он помещает здесь два списка: профессий отцов (или предков) и «профессиональных» имен, которые порой нелегко отличить от простого указания профессии.

Трехчастные цепочки вновь появляются в текстах лишь после долгого перерыва, в первой половине VII в. до н.э., в Ассирии времени Асархаддона. Четкое функционирование этой поздней системы подтверждается находкой текста VII в. с еще более подробной генеалогией пяти знатных вавилонян. Он найден в царском архиве Ассирии и помимо четырехчастных цепочек содержит адреса каждого из семейств, в Вавилоне или близ него (см. SAA 11. 153). Среди «профессиональных» имен касситского времени встречаются обычные для последующих эпох: Рыбак, Кузнец, Пекарь, Садовник и т.д., а также и другие, не столь обычные (*aluzinnu* – Клоун, *kurgartû* – Плясун, а точнее женоподобный служитель женского культа), причем Бринкман отмечает, что около половины имен, бывших в ходу при касситах, более не встречаются в VII в. и позже. В исключительных случаях предков персонажа, жившего в VI в., можно проследить до XIV в. (генеалогия потомков Арад-Эа). Брикман отмечает, что подобное исследование можно провести на материалах из Нузи, Эмара, Кюль-тепе и т.д. (Н.О. Чехович).

Одной из спорных проблем истории Месопотамии I тыс. до н.э. касается публикация *M.W. Waters. Four Brothers and a Throne* (с. 499–502). Эта статья посвящена интересному и вызвавшему дискуссию документу из Британского музея (BM 92502), представляющему собой одну из копий Вавилонской хроники 1. Сама хроника была опубликована Грэйсоном в его известном издании TCS 5, 1975, и от понимания одной строки в ней зависят наши представления о генеалогии позднеэламских царей. Строка эта повреждена, как водится, на самом интересном месте, и предлагавшиеся до сих пор восстановления М. Уотерс отвергает. Колляция, однако, позволила достаточно уверенно восстановить текст, что, в свою очередь, позволило сделать вывод: царствовавшие один за другим новоэламские цари Хумбан-халташ I, Хумбан-халташ II, Уртак и Теумман были братьями (единокровными?).

Порядок престолонаследия в Эламе этого времени нам не известен. Автор статьи полагает, что у всех этих царей был некий генетический изъян, вследствие которого первые трое погибли от внезапных припадков, а последний также перенес такой припадок, но остался жив – лишь затем, чтобы погибнуть в сражении с ассирийцами. Его голова, как известно, была доставлена в Ниневию. Знаменитый рельеф, хранящийся в Британском музее, изображает ассирийского царя Ашшурбанапала, пирующего в саду со своей царицей в окружении придворных и музыкантов. Ашшурбанапал пьет вино из чаши и одновременно любит голову Теуммана, подвешенной к дереву.

Все соображения, изложенные в рецензируемой статье, представляются вполне логичными, за исключением одного пункта: генетические болезни, как правило, не являются причиной внезапной смерти, да еще три раза подряд. Скорее следует думать о превосходном качестве (ассирийского?) яда (В.А. Якобсон).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

R.S. Ellis. Well, Dog my Cats! A Note on the URIDIMMU (с. 111–126). Шутливое название статьи Р. Эллиса можно перевести как: «Ладно, пусть будут псами мои кошачьи! Заметка об URIDIMMU». Это название становится понятным, если обратить внимание на сделанное автором примечание, в котором говорится, что сам автор статьи – «кошатник», а Э. Лихти, которому статья посвящена – «собачник».

Сверхъестественное существо, которое по-аккадски называлось *uridimmu*, занимало заметное место в воображении древних обитателей Месопотамии. Впервые оно упоминается в сомнительной надписи касситского царя Агума II (*Agum-kakrime*). В поэме «Энума элиш» так названо одно из семи чудищ, порожденных Тиамат для борьбы с Мардуком. Одолев Тиамат, Мардук поставил их стражами у входа в Подземный мир. В новоассирийское время это существо призывали для защиты домов и дворцов. В серии HAR-ra = *hubullu* сказано: *ur-idim* = *kal-bu še-gu-û*. Это выражение переводят как «бешеная собака», «мифическая дикая собака», «ужасная гон-

чая» и пр., что предполагает наличие собачьих черт в облике *uridimmu*. Однако как представляли себе это существо древние, ученые долгое время не знали.

В последние лет пятнадцать, изучая ассирийские тексты, сообщающие об изготовлении фигурок-оберегов для помещения их в домах и дворцах, исследователи отождествили ряд упоминавшихся сверхъестественных существ с находимыми при раскопках глиняными фигурками и рельефными изображениями на стенах ассирийских дворцов. Согласно письменным источникам, *uridimmu* делались из глины, кедра и тамариска. В ассирийском ритуале «подменного царя» говорится о двух *uridimmu* из тамариска, которые «держат в руках полумесяцы из кедра. На их левой ляжке напиши так: уйди зло! Войди доброе (для) дворца!», что говорит об облике этих существ, которые стояли и могли одновременно держать что-то в руках/лапах(?)

В 1950-х годах английские археологи при раскопках в Нимруде нашли любопытную фигурку. Она была изготовлена в форме и кое-где подправлена от руки. Верхняя часть фигурки представляла бородатого мужчину в коническом головном уборе, а нижняя – ноги какого-то животного. А. Грин усмотрел там когти какой-то птицы. По спине шла непонятная «скрюченная грядка», которую А. Грин и Р. Эллис приняли за хвост. Фигурку они сочли изображением «человека-скорпиона» (*girtablilu*).

В 1960-е годы была опубликована старая зарисовка утраченной ныне плиты из Северного дворца Ашшурбанапала в Ниневии с изображением существа, верхняя часть которого представляла бородатого мужчину в головном уборе с рогами, а нижняя – лапы льва или собаки с петлеобразным хвостом. Это существо держало вертикально перед собой шест, венчавшийся полумесяцем или кольцом. Дж. Рид отождествил существо с «человеко-львом» (*urmahlilu*). Позднее было найдено еще несколько изображений; самое раннее из них относится к касситскому времени. Ф.А.М. Виггерман первым связал эти изображения с *uridimmu*, которого охарактеризовал как «человеко-льва с человеческой головой». Один из первых исследователей Ниневии В.К. Лофтус полагал, что нижняя часть существа представляла задние ноги льва с хвостом дикого кабана.

«Бешеную собаку» можно как-то отождествлять с «человеко-львом»; древние обитатели Месопотамии, вероятно, считали львов особой разновидностью собак – *ur-mah* («пес большой») = *labbu*, *nēšu* («лев»). Как отличить, льву или псу принадлежать задние лапы или хвосты на разбираемых изображениях? Кошки втягивают свои когти в подушечки на лапах, а собаки нет. Львы тоже могут втягивать когти, но обычно не до конца. На рельефах Ашшурбанапала когти у многих львов хорошо видны, а у охотничьих собак они иногда не показаны ясно. По рудиментарным отросткам в виде пятого пальца тоже трудно сказать что-нибудь определенное: на рисунках *uridimmu* нет и намека на эти отростки.

Хвосты. На многих рельефах Ашшурбанапала мы видим львов с задранными вверх хвостами, но никогда с хвостом-петлей. У охотничьих псов Ашшурбанапала хвосты загнуты, как изогнутая восточная сабля. Но ведь есть много пород собак и с завивающимися хвостами, в частности турецкая овчарка. Во дворце Ашшурбанапала были найдены пять фигурок маленьких глиняных собачек с крепко закрученными хвостами. У многочисленных бронзовых фигурок собак новоассирийской эпохи хвосты почти всегда закручены на крестце. Некоторые из этих фигурок могли служить оберегами; конечно же, они изображали сторожевых собак, а не охотничьих.

Но решающим доводом в пользу того, что нижняя часть *uridimmu* представляет пса, а не льва, является, по мнению Р. Эллиса, изображение гениталий. Такие могли быть только у псов; у львов они изображались совсем иначе. Автор заметки выражает уверенность в том, что *uridimmu* был «человеко-псом». На изображениях он выглядит мрачным и слегка встревоженным, но уж никак не «бешеным», «яростным» или «ужасным». Нет сомнений в том, что *uridimmu* был верным стражем, как многие другие псы, – заключает свою шутливую заметку Р. Эллис (*И.С. Клочков*).

J.V. Canby. Early Dynastic Plaque Fragments (с. 45–54). Настоящая краткая заметка представляет собой описание обломков двух плоских каменных плакеток, найденных при раскопках Ниппура в 1893–1896 гг., а сейчас хранящихся в музее Пенсильванского университета в Филадельфии. Они имеют форму квадрата с небольшим прямоугольным отверстием в центре, что характерно для месопотамских вещей этого типа, относящихся к Раннединастическому периоду (ок. 3000–2334 гг. до н.э.).

Плакеток такого рода обнаружено довольно много, а некоторые сцены, изображенные на них, часто встречаются в месопотамском искусстве того времени, поэтому недостающие в данном случае части могут быть сравнительно легко восстановлены.

В поисках аналогичных плиток и их обломков автор статьи обнаружила несколько подходящих фрагментов в коллекции Г. Гильбрехта в Иене, а также в архиве музея Пенсильванского

университета. Автор описывает процесс реконструкции и приводит прорисовки восстановленного изображения на двух плакетках, представляющего собой сцены празднества (*И.С. Ключков*).

ИСТОРИЯ НАУКИ

В данный раздел можно включить две очень интересные статьи, рассказывающие об истории изучения и преподавания ассириологии в Пенсильванском университете, ведущим сотрудником которого является сам юбиляр, Э. Лихти.

B.I. Eichler. Cuneiform Studies in Penn: From Hilprecht to Leichty (с. 87–110). Статья Б. Эйхлера представляет собой краткую, но очень содержательную и снабженную богатым научным аппаратом историю ассириологии, т.е. преподавания ее и изучения в Пенсильванском университете – одном из важнейших мировых центров этой науки. Эта история началась в 80-х годах XIX в. и успешно продолжается поныне. Рецензируемая статья так богата содержанием и отличается столь сжатым стилем, что пересказывать ее нет никакого смысла. Ее необходимо прочитать не только для пользы, но и ради удовольствия встретиться, хотя бы заочно, со многими «отцами-основателями» нашей науки и нынешними ее светилами. *C.C. Smith. Some Footnotes to the History of Assyriology: Leonard William Fring of the British Museum and the University of Pennsylvania* (с. 431–442). Эта статья служит интересным продолжением предыдущей и рассказывает о том, как и почему один из «отцов-основателей» не стал сотрудником Пенна. Она содержит также интересные сведения о заработках ученой братии (*В.А. Якобсон*).

В представленной рецензии мы постарались отразить содержание и дать критическую оценку основным статьям сборника. Многие очень интересные статьи, к сожалению, остались за пределами рецензии, прежде всего из-за ограниченности ее объема. Необходимо отметить не только высокий научный уровень издания, но и прекрасный технический уровень публикации, что является отличительной чертой издательства Брилла в Лейдене. Главной задачей, которую поставили перед собой рецензенты, было привлечь внимание отечественных исследователей истории древнего Востока к новому богатейшему материалу, опубликованному в данном сборнике и показать те основные направления, в которых происходит развитие ассириологической науки в наше время. Надеемся, что эта задача, хотя бы частично, выполнена.

*Н.В. Козырева, И.С. Ключков, А.В. Немировская,
Н.О. Чехович, В.А. Якобсон*

© 2009 г.

ANDREW C. COHEN. Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship / towards a New Understanding of Iraq's Royal Cemetery of Ur. Brill: Leiden–Boston, 2005

Рецензируемая книга объемом около 250 страниц богато иллюстрирована и содержит, кроме текста, изобразительного материала и таблиц, старошумерские тексты в транслитерации и переводе, указатели и список литературы. Этот последний оказался неожиданно обширным (около трехсот названий!) и состоящим в основном из работ, вышедших за последние три десятка лет, но, за исключением некоторых журнальных статей, в наших библиотеках отсутствующих. Из этого факта следует несколько не слишком приятных для российской (и советской) ассириологии выводов: 1. Эта тематика привлекает все больший интерес наших зарубежных коллег, но из российских ассириологов в списке упомянуты лишь две работы И.М. Дьяконова, а больше упоминать и некого. 2. Большевицкий вариант марксизма и «научный атеизм» (а также новоиспеченная религиозность) все еще мешают нам заинтересоваться проблемами, затрагиваемыми в рецензируемой книге, хотя мы постоянно твердим о важности изучения исторической психологии. 3. Проблема возникновения государства и царской власти у нас традиционно привлекает большое внимание, но почти никто не рассматривает ее с точки зрения истории религии и исторической психологии. Мы опять оказываемся в роли догоняющих, и для начала следует настоятельно рекомендовать познакомиться с этой книгой. Большой интерес вызывает уже ее содержание: Введение. Глава 1. Ритуал как потенциально преобразующая социальная акция (параграфы: Феноменологический подход к ритуальным актам; Перформативный подход к значению в ритуале; Распространение перформа-

тивного подхода на археологию). Глава 2. Погребальные ритуалы, их структура и подразумеваемые цели (параграфы: Погребальный ритуал, структурированный как «ритуалы перехода»; Социальные ранги как подразумеваемые цели погребальных обрядов; Направление социальных акций; Итоги и выводы). Глава 3. Обнаружение ритуальных актов в текстовых и археологических источниках (параграфы: Археологические данные; Методы, источники и проблемы; Культурные перемены и возможная релевантность более поздних текстов; Культурное единство Южной Месопотамии и данные археологии; Перспективы понимания роли погребальных ритуалов в Раннединастическом периоде III). Глава 4. Деятельность плакальщиков (параграфы: Различия между плакальщиками; Деятельность плакальщиков; *Gala* и другие профессионалы; Комплекс царских погребений: место публичной фазы оплакивания; Итоги). Глава 5. Деятельность вокруг покойника (параграфы: Прощание и приготовление к погребению; Погребальные практики; Загробные дары и человеческие жертвоприношения: комплекс царских погребений; Загробные дары и человеческие жертвоприношения: свидетельства текстов; Итоги и интерпретация). Глава 6. Действия, касающиеся духа умершего (параграфы: Идеи о загробной жизни; Поминальный ритуал *kispum* – практика, возникшая в Раннединастическом периоде? Аграрные празднества и предки; Археологические следы жертвоприношений духам предков? Итоги). Глава 7. Погребальные ритуалы и царская идеология (параграфы: Происхождение институтов Раннединастического периода III и их идеологии; Установление значения некоторых действий и символических объектов; Изобилие и божество; Заключение: идеология, связывающая эти значения). Глава 8. Погребальные ритуалы РД III как место улаживания властных отношений (параграфы: Продвижение идеологии дворца в погребальные ритуалы; Направление дальнейших исследований).

Я должен попросить прощения у читателей за некоторую неуклюжесть русского перевода, она объясняется не моей небрежностью или недостаточным знанием языка, а просто тем обстоятельством, что современные термины культурной антропологии пока еще недостаточно распространены в нашей науке и не всегда имеют русские соответствия. Но, так или иначе, ясно, что книга чрезвычайно содержательна и, вероятно, в не меньшей степени спорна. Более близкое знакомство с текстом, несомненно, вызовет у читателя ряд вопросов. Подробный разбор всего текста занял бы слишком большой объем, поэтому здесь будут рассмотрены или по крайней мере отмечены наиболее важные и наиболее спорные места.

Во Введении автор указывает, что книга посвящена «процессу оплакивания, погребения и почитания умерших представителей элиты в Южной Месопотамии Раннединастического периода (примерно 2900–2350 гг. до н.э.)» (с. 1). Именно к этому времени он относит возникновение там городов-государств, которые он называет также «*peer-polities*». Это последнее определение оставлено без перевода, поскольку смысл его не совсем ясен. Если термин «полития» понимать в том смысле, как его употреблял Аристотель, то Аристотель обозначал этим словом такую форму управления полисом, когда правят «лучшие», но тогда при чем здесь «равные»? Или речь идет о равенстве самих городов-государств? Но такого равенства в исторические времена не было, шла почти непрерывная борьба за гегемонию... Просьба не считать эти вопросы мелочной придиркой, поскольку в дальнейшем сообщается, что «в начале Раннединастического периода города-государства контролировали храмовые администрации, но к концу этого периода контроль присвоили правители, чьи титулы мы переводим как «царь»... Я утверждаю, что ритуальная активность элиты, предпринимаемая по случаю смерти, содействовала этой перемене». Здесь тоже много непонятного. О каких титулах идет здесь речь? Ведь во главе храмовой администрации стояли носители титулов EN или ENSI, а также (временно или постоянно) LUGAL. В последнее время все эти титулы во многих зарубежных работах однозначно переводятся как «царь». Известно также, что титул LUGAL в конце концов вытеснил все остальные, а титул ENSI (асс. *iššakkum*) со Старовавилонского периода стал обозначать одну из низших категорий царских людей¹. В указанной в прим. 1 работе сделана попытка показать движение от выборной власти в городе-государстве к царской власти в территориальном государстве и империи, и едва ли это движение сводится к борьбе между храмом и дворцом. Дворец, видимо, возник лишь тогда, когда возникло четкое разделение функций между религиозным и светским вождем, т.е. в конце Раннединастического периода.

Что же касается до пышных похорон с человеческими жертвоприношениями (загробной свитой), то подобные погребальные практики известны помимо Месопотамии также в раннем

¹ См об этом подробнее: *Якобсон В.А.* Цари и города в древней Месопотамии // Цари и города в древней Месопотамии. М., 1989. С. 17–37.

Египте и в раннем Китае. В древней Индии подобные явления как будто не известны, но необходимо учитывать, что погребальным обрядом там была кремация, и потому древнеиндийская археология лишена столь важного материала, как погребения... Впрочем, существовавший еще недавно (сейчас и Индии это запрещено) обычай самосожжения вдовы на погребальном костре ее умершего мужа, несомненно, относится к этой же категории и возник, надо полагать, очень давно. В более поздние времена этот же тип похорон известен в Риме (гладиаторские игры по случаю похорон) и в Скандинавии (жены и слуги умершего вождя, зарытые в его кургане). Так что, похоже, мы имеем здесь дело с некоей исторической универсалией, характерной для всех или почти всех архаических обществ на определенной стадии их развития, равно как и меры, принимавшиеся впоследствии для ограничения чрезмерных расходов на похороны. Во всяком случае, такие данные дошли до нас в тексте реформ Уруинимгины, в китайских текстах и в Законах XII таблиц. Но ни из чего не следует, что цель всех этих жертвоприношений – одна и та же. В самом общем виде можно, вероятно, сказать, что эти жертвоприношения были данью харизме усопшего, но одновременно и «посланием» о принадлежности усопшего и всего его клана к области божественного (в Месопотамии, как полагает автор книги, жертвы были добровольными).

Еще одной функцией погребального обряда было, по мнению автора, кормление покойников в ином мире, но и одновременно демонстрация изобилия, экономического могущества. В связи с этим дается новое истолкование знаменитого «Урского штандарта» – он как раз и символизирует соединение военной мощи и щедрости правителя. Это, однако, характерно для всех архаических обществ (ср., например, хвалебные песни в честь вождей викингов). Автор полагает, что погребальные обряды представляют собой «ключевой элемент в формативной стадии процесса создания структур власти». Это почти марксистское определение выглядит вполне логичным, если бы не сомнения, высказанные нами выше. К ним можно добавить, что приводимые в подтверждение этого тезиса тексты относятся ко времени династии Аккада, т.е. к совершенно новой стадии развития общества с соответственно иной идеологией. А тексты, касающиеся расходов на похороны, содержат относительно скромные перечни предметов и, возможно, людей, мало похожие на то фантастическое великолепие, что обнаружено в Урских гробницах. Так что эти гробницы остаются во многих отношениях загадочными. Но есть и очень интересные и важные новости. Так, скрупулезный анализ обнаруженной в этих гробницах посуды позволяет сделать вывод, что почти вся она не хозяйственная или кухонная, а пиршественная. Но назначение и происхождение драгоценностей, включая великолепные цилиндрические печати, остается неясным: имущество ли это самого усопшего или дары его родственников и друзей. А поэтому и имена на печатах могут быть именами усопших, а могут и не быть таковыми.

Есть и еще вопросы, но перечислять здесь их все нет смысла. Важно отметить, что рецензируемая книга представляет собой настоящий клад новых и порой совершенно неожиданных сведений и выводов (хотя последние и не всегда бесспорны). Урские гробницы упоминаются во всех учебниках, но их исследование, по существу, начато вновь, и оно грозит изменить все наши представления об этом удивительном феномене. Но необходимо признать, что чтение новых библиографий вызывает у меня, как и моих коллег, все большее уныние: чего у нас только нет... Автора же и издательство Брилли следует поздравить с выдающимся достижением.

В.А. Якобсон